

Установка свекрови всегда застаёт врасплох.

Юнь Чэ думал, что с обрядом чаепития все трудности позади и теперь можно спокойно переждать несколько дней: одновременно ухаживать за больным и попытаться разобраться, что за каменная стелла приснилась ему в том сне.

Но суровая реальность преподнесла ему первый урок — голод.

— Вы все уже поели?

— Да. Бабушка велела нас не звать, а тебе, тетушка, завтра придется встать пораньше.

Лу Хуэй с изрядной долей сочувствия посмотрела на младшую тетушку, которая возилась у очага, раздувая огонь.

В доме такие порядки: если нет тяжелой болезни или травмы, не встал вовремя — остался без еды, и даже с пустым желудком все равно должен идти работать.

Семья Лу не держит ленивцев.

— Пилюли младшего дяди нужно принимать по одной каждое утро, отвар — раз в три дня, а эта миска каши — тоже для младшего дяди...

Напомнив про лекарства — словно опасаясь, что Юнь Чэ снова, как вчера, съест две порции и заберет еду младшего дяди, — она понизила голос и предупредила:

— Если повторится вчерашнее, бабушка будет уже совсем не так добра.

Юнь Чэ с улыбкой кивнул, принимая ее заботу, проводил взглядом и мысленно вздохнул.

Где это видано, чтобы наемному сиделке даже еды не давали?

Но, вспомнив крепкие фигуры мужчин из семьи Лу, он поджал губы, постарался сохранить улыбку и снова принялся разжигать огонь.

Закопченная печь, слепленная из желтой глины и камней, вмещала два больших котла. Стершиеся до блеска края глиняных блоков хранили следы времени, свидетельствуя о том, как рос и уменьшался род Лу.

Пока из-под крышки котла клубился белый пар, Юнь Чэ все смотрел на черную золу в топке и размышлял о порохе, лекарственных травах и прочих вещах.

Многие жизненно важные навыки выживания в древности он знал лишь поверхностно, понимал смутно.

Когда дело доходит до практики, приходится постигать все методом проб и ошибок, иначе в этом мире не выжить.

Чего уж там, можно было бы обзавестись кое-каким имуществом, нанять прислугу, найти в каком-нибудь влиятельном богатом клане красивую служанку в жены — опираясь на сильных покровителей, удалось бы прожить всю жизнь.

— Вода уже выкипела, а ты все во сне витаешь? Думаешь, дрова с неба падают?

Голос, полный скрытого гнева, заставил Юнь Чэ вздрогнуть. Он торопливо прекратил подбрасывать дрова в печь, виновато поднялся и, приоткрыв крышку котла, зачерпнул воды.

Высушенные стебли кунжута вспыхнули последним огоньком и угасли в топке.

Мать Лу недобрым взглядом посмотрела на младшую невестку, которая была хороша собой, но абсолютно ни на что не годилась, и неотрывно следила за тем, как та наливает воду, чтобы вместе перенести ее в новую комнату.

Она боялась, что эта неуклюжая молодая жена обожжется и воспользуется этим как предлогом увильнуть от работы.

— Сходи за холодной водой, чтобы разбавить до нужной температуры, а я помогу тебе занести. Как следует вымой его, на дне бадьи есть пробка, воду можно спустить...

Мать Лу подробно объяснила, как пользоваться этой изготовленной на заказ купальной и дренажной канавой, закрытой в углу комнаты, а затем добавила:

— Если после стирки не справишься, позови меня, я велю племянникам зайти помочь перенести.

Мужчины из семьи Лу ушли, а мальчишки постарше оставались дома завершать работы по хранению зерна, так что перенести человека им вполне было по силам.

Юнь Чэ, преодолевая голод, кивнул, зачерпнул в пиалу кипятка и поставил на стол остывать — чтобы потом выпить и обмануть урчащий желудок.

Несколько раз сбегав туда-сюда сквозь дождь, он наконец довел воду для купания до нужной температуры — ни холодная, ни горячая. Свекровь и невестка вдвоем перенесли лежавшего на постели больного и опустили в бадью.

— Смотри не намочи волосы, одежду сними и положи в стороне, мой тщательно. Как закончим, после еды еще мазать мазью придется.

Мать Лу с тревожным сердцем дала последние наставления, медленно вышла из комнаты и затворила дверь.

Когда она ушла, Юнь Чэ облегченно выдохнул, залпом осушил теплую воду из пиалы, закатал рукава и решительно взялся за дело.

Уж он-то не какая-нибудь неженка, силы и сноровки ему не занимать.

Погруженный во тьму Лу Мин был напряжен до предела, мочки его ушей горели. От горячей ли воды или по какой-то другой причине, но его ключицы и шея слегка покраснели.

Но как только стихли звуки питья, он почувствовал легкое дуновение ветерка. Одна пара рук опустилась в воду и без церемоний развязала пояс на талии, распахивая нижнюю одежду.

Следом послышался звук отжимаемой хлопчатобумажной салфетки. Какая-то рука ухватила его бессильную руку, и теплая ткань с нажимом заскользила по коже.

От кисти к плечу, по шее и груди — Юнь Чэ споро вымыл ему верхнюю тушку.

Возможно, родственники Лу заботились о нем на совесть, но, если не считать остатков мази, тело Лу Мина было вполне чистым.

Закончив одним махом натирать верхнюю часть тела, он наконец смог утереть пот со лба и бросить взгляд на больного.

Да чтоб его...

Древние люди и правда такие наивные, от обычного купания покраснел до самого лица...

Лишь с запозданием Юнь Чэ сообразил, что кожа у того порозовела, пожалуй, вовсе не от горячей воды, а от чистого смущения.

Будучи уроженцем южных краев, Юнь Чэ воспринимал северные бани куда проще большинства южан, и в его мыслях не было того стеснения, какое испытывают братья при виде друг друга обнаженными.

Впрочем, такое смущение он вполне мог понять.

В конце концов, в представлении больного его был вовсе не кто-то посторонний, а его собственная «жена», женщина...

Переведя дух, Юнь Чэ в некотором сомнении замер перед дальнейшим мышлением.

Он опасался, что при отсутствии сил в конечностях у этого парня вдруг проснется сила в пятой...

— Хватит с меня этого□

Накрыв глаза повязкой, слабо произнес Лу Минь, мгновенно пробудив в Юнь Чэ чувство ответственности.

Разве можно бросать уход за больным на полпути?

— Ничего страшного.

Юнь Чэ с легкостью закатил сползающие рукава, бросил полотенце в воду и, наклонившись, погрузил в нее руки.

Лицо Лу Мина залилось краской. Ему казалось, что в конечностях внезапно прибавилось сил, пальцы сами собой сжались в кулаки, а пальцы ног до боли уперлись в днище бадьи.

Видимо, остатки яда еще не до конца ослабли, но исполняющий свой долг со всей ответственностью Юнь Чэ не столкнулся ни с какими неловкими ситуациями и успешно завершил дело.

Затем он выдернул донную пробку, спустил воду и принялся вытирать больного сухой тканью.

Напоследок Юнь Чэ пропустил полотенце подмышками больного, зафиксировав его для удобства, с усилием взвалил мужчину себе на спину и, кое-как балансируя между переноской на спине и волочением по полу, дотащил до кровати, после чего тщательно укутал одеялом.

— Можешь поделиться со мной половиной своей похлебки?

Лицо Лу Мина уже не было столь багровым, однако услышав тихое обращение рядом, он вновь почувствовал, как горят уши, и глухо промычал в знак согласия.

Довольный Юнь Чэ повернулся, приподнял лучину, накрывавшую миску с жидкой кашей, украдкой глянул на окно и, убедившись, что снаружи никого нет, в несколько жадных глотков прикончил полпорции.

Солоновато, с мясом — вкус отменный.

Раз уж свекровь еды не дала, можно перехватить у ее сына.

Услышав шаги за дверью, он торопливо взял пузырек с лекарством и оставшуюся половину каши, чтобы покормить Лу Мина.

Знакомый травяной аромат коснулся ноздрей, Лу Минь послушно приоткрыл рот, проглотил лекарство и запил его половиной порции каши.

Покрутившийся поблизости мальчишка помладше мельком глянул на них и тихонько ускользнул.

Вскоре появилась мать Лу и отправила Юнь Чэ мыть посуду.

— Пятый выпил лекарство? Хорошо ли за тобой ухаживает жена?

— Выпил, она все делает очень старательно.

Голос Лу Мина звучал слабо, когда он отвечал на вопросы матери.

Смущался тут только он один; у него даже возникало обманчивое ощущение, будто эта женщина вовсе не видит в нем мужчину — действовала она так решительно и споро. Девичье смущение?

О нет, о таком он и не слышал.

Все выглядело так же прямолинейно, как когда сослуживцы в военном лагере помогали друг другу растираться...

— Ну и ладно. Если в ее уходе что-то не так, ты обязательно говори. Все мы здесь свои, даже если через какое-то время мы выделим тебе отдельное хозяйство, ты все равно останешься дома — я, твой отец и твои братья за этим проследим, мы непременно вылечим твою болезнь.

Услышав, как сын одобрительно отзывается о новой жене, женщина почувствовала, что тяжесть на сердце немного отступила, и мягким голосом утешила младшего сына.

Ей самой не хотелось разделять семью, но в нынешнем положении поступать иначе было несправедливо по отношению к остальным сыновьям.

Ведь даже лекарь не решался давать точных гарантий насчет того, когда именно Пятый

сможет пойти на поправку.

<http://bllate.org/book/20794/2089274>